

Влияние идей Канта на философскую концепцию И. Т. Фролова

С. Н. Корсаков

В последние десятилетия я неоднократно обращался к творчеству академика И. Т. Фролова. В опубликованных монографиях¹⁾ была дана интерпретация творческого пути философа. Необходимо признать, что сегодня, в свете дополнительно проведенных исследований, эта интерпретация нуждается в определенном уточнении.

В указанных работах философская концепция И. Т. Фролова трактовалась как одно из тех направлений философских исследований, которые сформировались во второй половине 1950-х гг. в обстановке резко возросшего интереса к гуманистическим идеям молодого Маркса. В дальнейшем к числу источников этой концепции добавились гуманистические версии западного неомарксизма, прежде всего, произведения Э. Фромма.

Подобная интерпретация идейных источников развития философской концепции И. Т. Фролова верна, если иметь в виду основное русло ее развития. Вместе с тем, взятая во всей своей целостности, философская концепция И. Т. Фролова не вписывается в рамки одного из неомарксистских философских учений. В ней присутствует и иное методологическое содержание. Причем роль его значительна и в мировоззренческом аспекте.

Речь идет о влиянии некоторых идей Канта на философские взгляды И. Т. Фролова. Ранее в литературе эта мысль уже высказывалась, правда, в неявном виде. В. Ж. Келле считал, что И. Т. Фролов придерживался точки зрения о самостоятельности духовной сферы бытия человека, о ее несводимости к социальной сущности человека. Согласно В. Ж. Келле, «интеллектуальные и духовные составляющие культуры относятся к разным типам освоения действительности и изучаются с помощью разных методов». Поэтому «встречающееся в литературе понятие „научный гуманизм“ некорректно, ибо гуманизм относится к духовной сфере и по определению

¹⁾ *Корсаков С. Н.* Иван Тимофеевич Фролов. М., 2006; Он же. Комплексная концепция человека в философии И. Т. Фролова. Тверь, 2009. См. также: Корсаков С. Н. Иван Тимофеевич Фролов: Жизнь и познание. М.: Ленанд/URSS, 2017 (в печати).

не может быть наукой»²⁾. Позицию И. Т. Фролова В. Ж. Келле интерпретировал именно так: И. Т. Фролов выделял в культуре два начала. Одно — интеллектуальное, разумное, другое — духовное, включающее в себя ценностные формы сознания. Употребление И. Т. Фроловым понятия «научный гуманизм» В. Ж. Келле рассматривал как случайность, оправданную в том случае, если иметь в виду гуманизм, опирающийся на науку.

Мысль В. Ж. Келле развил А. А. Гусейнов, который утверждал, что И. Т. Фролов выделял в человеке наряду с биологическим и социальным также нравственное измерение «в качестве самостоятельной характеристики, которая не сводится и не выводится ни из биологии человека, ни из его социологии»³⁾. В. Ж. Келле и А. А. Гусейнов весьма высоко оценивают эту идею И. Т. Фролова о несводимости духовного измерения человека к социальному. А. А. Гусейнов прямо называет ее «исключительно плодотворной и перспективной»⁴⁾.

Строго говоря, реальная позиция И. Т. Фролова в этом вопросе сложнее, чем это представлялось В. Ж. Келле, а затем А. А. Гусейнову. Комплексный подход, который развивал И. Т. Фролов, нацелен не на обособление в человеке тех или иных его измерений, а на выявление способов их взаимодействия. Поэтому И. Т. Фролов нисколько не противоречил своим исходным принципам, когда считал возможным использовать термин научный гуманизм. Он полагал, что в условиях, когда объектом технаук стал сам человек, гуманистические ценности как регулятивы должны сопровождать процесс познания от постановки задачи до выбора методов и средств познания, а не только при оценке приемлемости полученных результатов. В этом и состоит специфика научного познания в «век антропологии». Без гуманитарной экспертизы современное научное познание чревато непоправимыми последствиями для человека и человечества.

Подобная интерпретация И. Т. Фроловым природы и сущности человека действительно является новаторской. Идея же об обособленном характере духовно-нравственной сферы в человеке — это реминисценция кантовского дуализма теоретического и практического разума, закрепленного в неокантианстве в виде оппозиции наук о природе и наук о духе.

Идея самостоятельности духовно-нравственной сферы человеческого бытия проистекает из кантовского обоснования морали. Человек — существо пребывающее в двух плоскостях — в мире необходимости и в царстве свободы. Он подчинен природным и социальным законам, но может быть моральным субъектом только вне этих зависимостей, благодаря свободе воли. Обоснование морали через свободу прямо означает *несводимость* духовно-нравственной сферы. Автономность духовности — вот та христианская идея, которая остается в философии Канта. Поиски человека

²⁾ Келле В. Ж. Человек — наука — гуманизм // Наука. Общество. Человек. К 75-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М. Наука, 2004. С. 15.

³⁾ Гусейнов А. А. О человеке и смысле его жизни // Наука. Общество. Человек. К 75-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: Наука, 2004. С. 229.

⁴⁾ Там же.

не сводятся к познанию, познание не может удовлетворить главных духовных запросов личности. Христианская и вместе с тем кантовская особость духовной сферы утрачивает свое основание в философии Гегеля⁵⁾. В системе панлогизма логическая идея не нуждается в дополнении со стороны какой-то особой сферы духовно-нравственных переживаний.

Мало кто знает, что философом, который оказал на И. Т. Фролова решающее влияние, был Кант. Когда он в молодости, будучи сам аспирантом МГУ, преподавал диамат аспирантам ЦАГИ, то вместо учебника диамата занимался с ними по «Критике чистого разума». Трудно понять, как молодой преподаватель соотносил эту учебную практику с учебной программой. Несомненно же здесь то, что это было наилучшим способом овладеть кантовской философией самому. Как говорил Ю. Тынянов, если хотите изучить какую-либо науку, начните ее преподавать.

Существует хотя бы предположение о двух типах философствования, ориентированных, соответственно, на Канта и на Гегеля. С известными ограничениями в отношении времени, мест и обстоятельств, эту формулу можно принять хотя бы как рабочую гипотезу. И. Т. Фролов был внимателен к мыслям Канта. О Гегеле он написал один раз юбилейную статью, которая носила скорее «дежурный» характер. В этом — нетипичность И. Т. Фролова в контексте его времени. С середины 1950-х гг. в советской философии отчетливо видна гегельянская струя, и ряд направлений, ведущих свое начало от идей западных методологов науки. Выходило довольно много работ о Канте, но если задать вопросом, кто в советской философии 1960–1970-х гг. был не исследователем, а последователем Канта, ответ найдется не сразу, а имя И. Т. Фролова при этом вряд ли возникнет. Мы не хотим, разумеется, сказать, что И. Т. Фролов был кантианцем или же продолжал развивать идеи Канта применительно к современным условиям, как это делает, например, Э. Ю. Соловьев⁶⁾.

Речь идет именно о способе постановки проблем, типе философской работы. Если не учитывать эту интеллектуальную склонность И. Т. Фролова к кантовской манере мышления, нельзя будет вполне понять своеобразие его видения комплексного исследования человека. Вот в этом пункте требуется уточнение нашей прежней интерпретации философской концепции И. Т. Фролова. Если влияние Маркса, Фейербаха, Фромма было в большей степени идейным, то Кант определяющим образом повлиял скорее на сам строй мышления И. Т. Фролова, на манеру его философствования.

В марксизме влияние Канта присутствует только опосредованно. Как именно, на этом нет необходимости специально останавливаться. В свое время это было блестяще показано А. М. Дебориным⁷⁾. Марксизм, каким

⁵⁾ См.: Куценко Н. А. Профессиональная философия в России первой половины – середины XIX века: процесс становления и виднейшие представители. М., 2008. С. 130–131.

⁶⁾ См.: Соловьев Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992; Его же. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.

⁷⁾ Деборин А. М. Очерки по истории диалектики. Диалектика у Канта // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 1. М., 1924. С. 13–75.

он сформировался в XIX и XX веках, это гегельянское учение. Были иные его версии: неокантиантские, позитивистские, структуралистские, но они не достигали уровня мейнстрима в развитии данного учения.

Учение И. Т. Фролова несомненно носит марксистский характер. Но от тех его товарищей, с кем он открывал во второй половине 1950-х гг. для советской философии молодого Маркса (например, от того же Э. В. Ильенкова), И. Т. Фролов отличается именно кантиантской тональностью своих взглядов. Поэтому приведенные выше интерпретации его творчества В. Ж. Келле и А. А. Гусейновым имеют основания в строе мыслей И. Т. Фролова.

В чисто марксистской концепции явно бы просматривались формы сведения духовного измерения к социальному. И. Т. Фролов подобной редукиции всячески избегал. В работах последнего десятилетия своей жизни он всячески предостерегал от неумного преобразования природы в горниле технауки, призывал выработать этические кодексы, ограничивающие промышленное освоение природы. И. Т. Фролов подчеркивал, что современная ситуация, в которую себя поставило человечество, требует для своего разрешения «доброе разума». Можно усмотреть здесь скрытую полемику с известным положением Маркса о том, что человеческая духовность может тогда стать для нас «раскрытой книгой», когда предстанет нам как «история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности»⁸⁾. Однако такая интерпретация была бы упрощенной.

Обращаясь к идее самоценности человеческой духовности, И. Т. Фролов не искал освобождения от рамок марксистской философской системы. За подобной «свободой» в нашей философии охотились люди, не приобретшие своих философских убеждений. И. Т. Фролов не следовал интеллектуальным модам, а создавал новые направления исследований. Он применил методологический инструментарий, сложившийся в кантианстве и освоенный затем русской идеалистической философией, к новому качеству проблем. Когда И. Т. Фролов говорит о необходимости нравственно-гуманистических ограничений при освоении природы человеком, он под природой имеет в виду не природу, какой она была для мыслителей XVIII и XIX веков. Перед его мысленным взором сложный социоприродный комплекс, объединяющей скрепой которого выступает человеческая деятельность. Человеческая деятельность по преобразованию природы приняла глобальный характер. Но человечество продолжает оставаться в этих условиях разделенным социальными, национальными, религиозными перегородками. Уровень мышления человечества не соответствует глобальным масштабам его деятельности. Человечество должно преодолеть социальное отчуждение, стать целостным глобальным субъектом деятельности, должно научиться мыслить и действовать по-новому. Идеи вечного мира Канта и нового мышления Рассела, Эйнштейна и Жюлио-Кюри становятся в концепции И. Т. Фролова органичным инструментом в решении проблем сегодняшнего дня. Само адекватное понимание

⁸⁾ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 123.

степени значимости этих проблем достигнуто им благодаря марксистскому видению развития мировой ситуации. Но разрешение ситуации, которое он предлагает, оригинально и имеет кантиантские истоки.

Почему И. Т. Фролову удалось органически сочетать марксистское понимание развития человечества с кантиантскими рецептами его спасения? Потому что он был не просто философом, но философом-ученым. Он не конструировал объект своего мышления в идеальной сфере, а изучал реальный объект, какой только есть у философии: человека, развивающегося в ходе освоения мира природы. Он прослеживал эволюцию, стадии и перспективы развития такого усложняющегося объекта, предвидел точки неопределенности, которые выступают как вызовы для человечества и становятся моментами выбора, за который придется нести ответственность. И. Т. Фролов органически сопрягал методологические и мировоззренческие аспекты своей философской системы, антропологические и гносеологические идеи у него взаимно дополняли друг друга.

Сказанное справедливо и применительно к вопросу о влиянии Канта на философскую концепцию И. Т. Фролова. В работах по философии биологии его интересовали те аспекты и постановки проблем, которые шли от Канта. Занимаясь биологией, он был не специалистом по философии науки, а философом, обратившимся к загадке жизни и парадоксам познания. Его занимала, например, природа биологического познания, шире — формирование нового типа науки в «век биологии», связь этого типа познания с обществом и человеком. Определяя свои философские приоритеты, он прямо ссылался на Канта⁹⁾. Когда возникла проблема спецификации теории биологического познания, И. Т. Фролов обратился к мысли Канта о том, что философский разум в своем отношении к предмету всегда опосредован той картиной познаваемой реальности (физической, биологической и пр.), которую создает рассудок — собственно научное мышление. Отсюда проблема гносеологической специфики «биологической реальности», которая изучалась И. Т. Фроловым в работах 1960–1970-х гг. Роль философии в этом деле — «критика» в кантовском смысле, т. е. философско-методологический анализ, в ходе которого формулируются методологические принципы, связывающие, в данном случае, биологическое познание в определенную систему. И. Т. Фролов опирается на мысль Канта о том, что разум «не создает никаких понятий об объектах, а только упорядочивает их и дает им то единство, которое они могут иметь при максимальном своем расширении»¹⁰⁾. Философский разум привносит методологическое единство в содержательно дифференцированную картину реальности, которую выстроил научный рассудок.

В этом подходе И. Т. Фролов наиболее ценным считал возможность не только «исследовать структуру современной науки о жизни, но и проследить тенденции, направления и пути развития биологического позна-

⁹⁾ Фролов И. Т. Избранные труды. М., 2001. Т. 1. С. 112.

¹⁰⁾ Кант И. Сочинения. М., 1964. Т. 3. С. 552.

ния, его будущее»¹¹). И. Т. Фролова здесь интересует то, как меняется сам тип науки о жизни. Кантовский априоризм для него выступает как инструмент, с помощью которого можно заглянуть в будущее. Вместе с тем влияние Канта на взгляды И. Т. Фролова имеет свои пределы. В марксистской по существу своему концепции И. Т. Фролова кантовский априоризм применяется с ограничениями, как служебный методологический прием. Он не возводится в принцип, в соответствии с которым объективность познания усматривалась в его конвенциональном характере. И. Т. Фролов, разумеется, был далек от того, чтобы считать познание «коммуникативным действием» и «трансцендентальной языковой игрой»¹²).

Несомненное влияние философии Канта на концепцию И. Т. Фролова четко просматривается в идее о регулятивах познания, которую И. Т. Фролов считал важнейшей для комплексного подхода как методологии. При ее проработке И. Т. Фролов следует за кантовской идеей регулятивности. В философии Канта конститутивность означает предвосхищение как готового того, что само по себе дано в объекте, а регулятивность постулирует правила действий субъекта в познавательном процессе, реализует возможность как бы а priori предписывать природе законы¹³). В деятельности познающего разума Кант выделил такой аспект, как упорядочение опыта, которое осуществляется в определенном направлении. Вот этот момент направленности познания и был использован И. Т. Фроловым при разработке комплексной методологии познания.

Как и в случае с кантовским априоризмом, регулятивный принцип используется И. Т. Фроловым с определенными ограничениями. В философии Канта картина объекта строится посредством регулятивов из знаний, которые составляют строительный материал опыта. Но Кант подчеркивает, что регулятивный принцип говорит нам «не о том, что есть объект», а лишь ориентирует в продвижении по пути познания к тому, что может полагаться разумом как необходимое. Если бы регулятивный принцип брался, как он есть, он был бы агностически нагружен. Регулятивность у Канта означает рассмотрение по принципу «как если бы», который определяется идеалами. Скажем, идеал «высшей сущности», выступая в качестве регулятивного принципа, требует, «чтобы разум рассматривал все связи в мире так, как если бы они возникали из вседвелеющей необходимой причины», но при этом «не содержит утверждения о самом по себе необходимом существовании» этой причины¹⁴). Кант последователен в сохранении двойственности своей философии, где объективность приравнивается к общезначимости и выводится за рамки познавательного процесса как такового.

¹¹) *Фролов И. Т.* Избранные труды. М., 2001. Т. 1. С. 113.

¹²) *Баева Е. А.* Социальная эпистемология и теория общества: уроки кантовского априоризма // Эпистемология и философия науки. 2008. № 3. С. 113.

¹³) *Нарский И. С.* Кант. М., 1976. С. 81.

¹⁴) *Кант И.* Сочинения. М., 1964. Т. 3. С. 536.

И. Т. Фролов подхватывает саму идею направленного применения разума, при котором регулятивные принципы упорядочивают результаты познания. При решении сложного вопроса о соотношения объективности познания и ценностной ориентации И. Т. Фролов не предлагает (как то имело место, например, в неокантианстве) апеллировать к сфере абсолютных ценностей. Практика, человеческая предметно-преобразующая деятельность, требует объективности познания для верной ориентировки в действительности ради дальнейшего развертывания человеческих сущностных сил. Человеческая деятельность есть основание объективной значимости ценностей. Такая деятельность предполагает в качестве своего необходимого момента «не только относительные ценности, но и абсолютные, универсальные, существующие в качестве своеобразных „мерок“, „моделей“ и пр.» и связанные с самим фактом нахождения в мире действующего общественного человека¹⁵⁾. И. Т. Фролов постулирует единство познания, ценностей и практики и делает вывод, что конкретными формами осуществления такого единства служат регулятивы современного научного познания. Подобные регулятивы представляют собой универсальные (общечеловеческие) ценности, наполненные конкретно-историческим содержанием, отражающим настоящее и перспективное состояние предметно-преобразующей деятельности человечества на данном этапе его развития. Эти регулятивы предстают в качестве целей социального развития человечества, которые применительно к науке означают поиск истины и ориентацию в преобразующей деятельности человека на реализацию его сущностных сил, на сохранение человеческого в человеке. Негуманное по своим средствам познание человека будет неадекватно объекту и окажется неистинным. Таким образом, регулятивы познания сопрягают его нравственный характер с истинностью результатов.

Стремление к синтезу гносеологической и этической проблематики — характерная черта, которая роднит концепцию И. Т. Фролова с философией Канта. Исследователи творчества Канта отмечают, что в самом общем плане априорные формы кантовской философии могут рассматриваться «вне учета их специфической принадлежности к гносеологии и этике»¹⁶⁾. Нравственным считается поведение, основанное на понимании значимости априорных норм и сознательном следовании им.

Стремление к синтезу этики и гносеологии в концепции И. Т. Фролова осталось недооцененным профессиональными этиками. Возможно потому, что И. Т. Фролов действует совершенно нестандартно. Он применяет методологический инструментальный мыслителя прошлого к решению проблем, которые еще только выступают к нам из будущего. В век, когда

¹⁵⁾ Фролов И. Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Диалектика в науках о природе и человеке: Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М., 1983. Т. 4. Человек, общество и природа в век НТР. С. 151.

¹⁶⁾ Кучеренко А. В. Сопоставление содержания априорных форм в гносеологии и этике И. Канта // Философия и общество. 2010. № 4. С. 126.

человек раскрыл загадки атомного ядра и продвигается к раскрытию тайны собственной природы, познание по-прежнему остается тяжким путем проб и ошибок. Какова цена возможных ошибок применительно к тем или иным попыткам «усовершенствовать» человека? И, что еще важнее, какова степень обратимости и необратимости подобных вмешательств? Через размышления над острейшими проблемами современной науки И. Т. Фролов пришел к синтетическому пониманию гносеологии и этики. Подобный подход как нельзя более отвечает новейшей биотехнологической стадии развития НТР. В этих условиях гуманистическая компонента научно-технического прогресса уже не может быть отделена от самого процесса познания без нанесения ущерба науке и человечеству как целому. Вообще, активное применение на практике результатов научных достижений требует саму науку рассматривать сегодня через призму внутреннего единства познавательных, ценностных и социально-практических принципов, человеческого измерения научного и социального прогресса.

Влияние Канта присутствует и в разработанном И. Т. Фроловым целевом подходе в познании. Разделив реальность на ноуменальный и феноменальный миры, Кант нашел в телеологии способ их соединения. Целеполагание присуще обоим мирам. Почему бы не решить, «что существует субъективная целесообразность природы в ее частных законах для того, чтобы их могла постигнуть человеческая способность суждения»¹⁷⁾. Кант отказывается рассматривать природу только как механизм и выделяет особый вид каузальности — каузальность целей. В тех случаях, где законы каузальности, основанной на одном лишь механизме, *недостаточно*, исследователь находит правильность в явлениях природы, вводя «понятие о целевых связях»¹⁸⁾. Кант вновь применяет здесь свой принцип мышления «как если бы». Гарантией от того, чтобы приписывать при этом природе некие скрытые цели и идти на явные уступки витализму, служит регулятивный (в кантовском смысле — то есть остающийся только в сфере рефлексивного мышления) характер применения этого принципа. Во весь рост теперь встает проблема синтеза детерминизма и телеологии. Кантово решение вопроса оставляет целесообразность как принцип организации опыта, из самого опыта невыводимый. Причинность остается погруженной в царство случайности, а закономерность обнаруживается лишь при привнесении в природу разумной целесообразности.

И. Т. Фролов как материалист не мог принять этот путь решения проблемы детерминизма и телеологии, поскольку, идя по нему, придется принять и «Бога — творца мировой гармонии»¹⁹⁾. Но как подлинный диалектический материалист, И. Т. Фролов не отбрасывал на этом основании идеи Канта, а вычленил из них рациональное зерно. По Канту, детерминизм не способен объяснить саморазвитие и должен быть допол-

¹⁷⁾ *Кант И.* Сочинения. М., 1966. Т. 5. С. 383.

¹⁸⁾ Там же. С. 384.

¹⁹⁾ *Фролов И. Т.* Детерминизм и телеология. М., 2010. С. 44.

нен и подчинен более высокому принципу — телеологии. Аргументируя этот идеалистический тезис, Кант справедливо подчеркивал, что внешнее воздействие проявляется в организме опосредованно: например, рост организмов означает не просто механическое увеличение веществ, а является результатом ассимиляции. Идея Канта об опосредованном характере внешнего воздействия внутренними процессами объекта послужила одним из истоков концепции органического детерминизма И. Т. Фролова. «Конкретное, ориентирующееся на всесторонний учет условий исследование, обнаруживает множественность причин, являющуюся не простой суммой, а сложным интегральным целым, из которого следствие не может быть выведено непосредственно», — формулировал И. Т. Фролов свою позицию в этом вопросе²⁰⁾.

Вопросы детерминизма и телеологии на материале живой природы занимали И. Т. Фролова с самого начала его творческого пути. В зрелый период творчества он сформулировал в качестве общеметодологического принципа *целевой подход* к исследованию. В соответствии с этим подходом конечная или высшая стадия развития какого-либо явления или процесса берется, так как *если бы* она была внутренней целью этого развития. И. Т. Фролов не ссылаясь при этом прямо на Канта. Но если принять во внимание всю совокупность обстоятельств, о которых шла речь выше, станет очевидным влияние идей Канта на формулирование И. Т. Фроловым этого методологического принципа.

Примечательно, что согласно Канту основанием самой возможности рассматривать весь мир как систему конечных целей выступает человек. «Без человека эта система рухнет, мир становится пустым и бесцельным, формула регулятивной конечной цели как высшего блага теряет смысл»²¹⁾. «Конечной целью в таком случае может быть человек, руководствующийся моральными законами», — писал Кант²²⁾. Идею самоценности человека и систематическую научно-философскую постановку вопроса «что есть человек?» в единстве когнитивного, ценностного и практического аспектов И. Т. Фролов называл «величайшей заслугой Канта»²³⁾.

Показательно, что И. Т. Фролов, констатируя оппозицию между кантовским пониманием человека как существа, нуждающегося в соотношении практики своего поведения с моральной причиной мира в виде его Творца, и антропологическими взглядами французских материалистов, не выносил при этом окончательного суждения в чью-либо пользу. Намеренная неопределенность позиции и стала основой для последующих интерпретаций концепции И. Т. Фролова в кантовском смысле, о которых говорилось выше.

²⁰⁾ Фролов И. Т. О причинности и целесообразности в живой природе. М., 1961. С. 36.

²¹⁾ Нарский И. С. Кант. М., 1976. С. 182.

²²⁾ Кант И. Сочинения. М., 1966. Т. 5. С. 182.

²³⁾ Фролов И. Т. Избранные труды. М., 2003. Т. 3. С. 183.

Кант был тем философом, который целенаправленно на протяжении всей своей жизни стремился сформулировать принципы философии, которые могли бы претендовать на научность. С переходом к критическому этапу своего творчества он пересмотрел понимание научности, перешел от конститутивного к регулятивному ее пониманию. Но от самой задачи своей философской работы Кант не отказался. Мне сейчас кажется, что когда И. Т. Фролов говорил о научной философии, о научном гуманизме, в самом понимании им научности было много не только от Гегеля и Маркса, но и от Канта. Если этого не учитывать, целостность концепции И. Т. Фролова распадается. Сфера ценностных регулятивов познания утратит органическую связь с философией саморазвития и становления единого человечества через разрешение глобальных проблем. В этом тайна этого сложного учения.

И. Т. Фролов считал себя приверженцем научной философии и вполне определенно говорил о необходимости научного гуманизма. Считать это случайным словоупотреблением не приходится — достаточно вспомнить, каким был И. Т. Фролов как ученый и человек. Вопрос не в том, чтобы реанимировать неокантиантскую альтернативу интеллектуального и духовного, а в том, чтобы уточнить, какой смысл И. Т. Фролов вкладывал в понятие научности философии. Вне всякого сомнения, как марксист он не мог не считать условием научности материалистическое понимание природы и классовый подход к общественным явлениям. В этом марксистском понимании научности философии в снятом виде присутствует гегелевское понимание научности философии «как системы органически взаимосвязанных понятий, которая раскрывает сущность предметно-специфических закономерностей»²⁴⁾. В нашей философии были гегельянски ориентированные марксисты, подобные Ильенкову. В их мировоззрении гегелевское понимание научности философии присутствовало не в снятом, а в самостоятельном виде, наряду с марксовым. Своеобразие философской позиции И. Т. Фролова, возможно, состоит в том, что в его концепции марксистский идеал научности философии сочетается с кантовским. Кантовский ингредиент отвечает в философии комплексного исследования человека за сферу общечеловеческих ценностей, которые направляют опыт познания и гуманистически ориентируют его. Кантовская составляющая в научной философии И. Т. Фролова сопрягает когнитивную общезначимость с безусловностью требований гуманизма. В комплексном познании глобальных проблем жизни современного человека самая активная методологическая работа будет вестись как раз на уровне настройки общего методологического инструментария на работу с конкретной совокупностью частных наук для решения очередной комплексной проблемы.

²⁴⁾ Жирнов В. Д. Философия — теория мировоззрения // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3. С. 88.